УДК 32.001

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.104122

Моисеенко Ян Юрьевич,

младший научный сотрудник

Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук,

г. Екатеринбург,

E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4541-5854

**«Мобильный поворот»
в современной политической философии:
новые методологические горизонты**

Феномен «мобильного поворота» в современной политической философии рассматривается в качестве одного из следствий тех трансформаций, которые претерпел современный мир с начала становления эпохи Модерна вплоть до настоящего времени. Поскольку природа этих трансформаций сложносочиненна, каждая оформленная философская парадигма готова предложить свой взгляд на эти «тектонические» сдвиги в социальных, политических, антропологических сферах. Таким образом, доминирование дискурсивного поля над пространством «голых фактов» неудивительно, поскольку именно дебаты между сторонниками и противниками тех или иных парадигм во многом конституируют предметное поле современных гуманитарных дисциплин. Политическая философия отнюдь не стала исключением из настоящей тенденции, поэтому необходимо реагировать на вызовы её методологическому и концептуальному аппарату. Во многом в связи с этой причиной предметом внимания политической теории стал и такой факт нашей повседневной реальности, как возведение в своеобразный культ явления «подвижности» или же «мобильности», в качестве которой он и был зафиксирован в философском тезаурусе. В настоящем исследовании предпринимается попытка очертить одно из направлений её исследования за рамками сложившихся социологических школ и подходов – системного функционализма и постструктурализма. Таким перспективным направлением видится «феноменология мобильности», где сам феномен «мобильности» рассматривается через методологическую призму Поля Вирильо (*dromo-кратия*) и Мартина Хайдеггера (*têxvη-кратия*).

Выделяются три особые имманентные черты, присущие мобильной парадигме: «скорость», «техника» и «конформность». Исходя из данных свойств, в статье очерчиваются наиболее перспективные горизонты дальнейшего изучения «мобильности» под эгидой политической философии, среди которых выделяются «диалектическое» и «антропологическое» её прочтение.

Ключевые слова:

мобильный поворот, феноменология мобильности, дромология
П. Вирильо, скорость, технологический витализм, конформизм.

Первая четверть XXI в. демонстрирует нам, что многие социальные, политические и даже антропологические трансформации, что претерпевает современный мир, возрастают в геометрической прогрессии, если ключевыми игроками политического процесса принимаются основные глобализационные конвенции. Наиболее репрезентативные из них, в той или иной степени, вписываются в условный «либеральный консенсус», набор неотъемлемых элементов которого не слишком вариативен. В «комплект», как правило, входят несколько конвенциональных дискурсов: о правах человека, о, так называемом, «открытом обществе», рыночной экономике, свободе ведения деятельности средствами массовой информации и некоторые другие. Приоритет каждой из них, как правило, варьируется, в зависимости от специфики «пережитков» тех национальных культур, что вступают в «глобальный новый мир».

Залогом эффективного включения некогда обособленных политических субъектов в единый политический процесс выступают множество факторов, выстроить строгую иерархию которых и определить степень ответственности кажется непростой задачей. Кроме того, не стоит забывать, что холистический принцип не позволяет поставить знак равенства между ситуацией «в целом» и простой совокупностью составных элементов, на которые она может быть разложена. В противном случае неизбежна потеря смыслового компонента в ходе обратной реконструкции, особенно в тех случаях, когда велика степень опосредованной взаимосвязи исследуемой области с рядом смежных – ведь именно такие «не институциональные» связи утрачиваются в первую очередь.

Тем не менее, исследователям приходится, так или иначе, вычленять из сложносоставного и противоречивого процес-

са либеральной глобализации её атрибутивные черты, которые в дальнейшем могут послужить «реперными точками» для отслеживания как социально-политических трансформаций, которые претерпевают развитые общества позднего Модерна, так и тех, с которыми сталкивается сама модернистская парадигма. В фокусе внимания настоящего исследования второй аспект будет неминуемо превалировать над первым, так как рассматривать понятие «мобильности» в его смысловом многообразии невозможно без теоретического осмысления такого феномена в современной (в том числе политической) философии, как «мобильный поворот» [Kaufman, 2002]. Что касается практического измерения дискурса мобильности, – трансформации обществ, вставших на глобализационные рельсы, могут служить наглядными иллюстрациями интересующих нас «тектонических» парадигмальных сдвигов в предметной области политической философии.

Залогом успешности проведения анализа, где во внимание принимаются факторы, влияющие на предметную область исследования извне, может стать обращение к инструментарию «междисциплинарности». Имеет определённый смысл отдать предпочтение такой комбинированной методологии, поскольку своим происхождением феномен «междисциплинарности» во многом обязан попытке свести предметные поля различных гуманитарных дисциплин к общему знаменателю, дабы отыскать общее пространство для дискуссий. В нашем случае мы будем оперировать научным наследием сразу нескольких дисциплин, не ограничивая себя сугубо историческим или социологическим прочтением феномена «мобильности». В таком случае возрастают шансы не только более полно очертить текущий ареал «мобильных» исследований, но и обозначить горизонты перспективных направлений.

Попробуем в общих чертах описать морфологию тех фундаментальных изменений, через которые проходит политический процесс в настоящий момент, которые во многом и предопределили так называемый «мобильный поворот» в политической философии как попытку отрефлексировать эти изменения. Среди множества факторов следует выделить полномасштабное и с 1991 г. фактически беспрепятственное, вследствие свёртывания советской социалистической системы, распространение капиталистической идеологии в планетарном масштабе. Существующие отдельные «очаги сопротивления» капитализму либо представляют собой вынужденные «автар-

кий», испытывая жесточайшее давление со стороны капитала и находясь под её санкциями, либо вынуждены встраиваться в глобальную мир-систему по действующим законам, с разной степенью успешности лавируя между принятием глобальных «правил игры» и отстаиванием собственных национальных интересов. Этот процесс транснационализации не разворачивался бы с такой интенсивностью, если бы не был поддержан стремительным технологическим ростом, который обеспечивает мобильность капитала – начиная от электронизации прежних межбанковских средств передачи информации и совершения платежей и заканчивая появлением «виртуальных», децентрализованных (по крайней мере, формально) финансовых систем, где транзакции исключают посредников и вследствие этого совершаются с максимальной скоростью.

Также характерным для современной политической повестки аспектом является разработка ряда масштабных интеграционных проектов, таких как «Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство», нацеленных преимущественно на интенсификацию мобильности капитала различными способами. Подобные транснациональные проекты призваны преодолеть так называемые «сдерживающие» рост экономики факторы в лице национальных государств с их представлениями о «суверенности» и примате «национальных интересов» над экономическим благосостоянием корпораций, оторванных в своих корнях от национальной специфики. Глобальные интеграционные проекты, но уже политического профиля (такие как проект «Соединённых Штатов Европы») тоже во многом инспирированы стремлением вывести политический контроль над большими геополитическими пространствами на новый «операционный» уровень – в том числе и за счёт открытия новых возможностей мобильности.

Тотальная «медиатизация» общественной жизни, в том числе публичной политики самого высокого уровня («твиттер-дипломатия» [Торреальба, 2015]), наряду с нарастающей конвергенцией как глобальных, так и локальных политических процессов с индустрией развлечений (распространение политических ток-шоу в сетке телевизионного вещания, «шоу-политики» [Русакова, 2009]), являются характерными чертами состояния турбулентности, в которой разворачивается политический процесс во второй половине XX–XXI вв. Таким образом, становится очевидным, что многие константы, на которых зиждилась политическая онтология Модерна, либо подверга-

ются серьёзной ревизии, сталкиваясь с новыми общественными и политическими реалиями, либо же – фактической эрозии, будучи неспособными противодействовать деструктивным постмодернистским процессам на уровне предлагаемых ими «скоростей».

Также становится очевидным, что в обстоятельствах «уходящей из-под ног» почвы перед политической философией стояла неминуемая задача поиска «новой идентичности». Однако поскольку настоящий процесс «размягчения» Модерна по-прежнему не вошёл в свою терминальную стадию, многие его положения и идеи всё ещё остаются актуальными для дескрипции текущего положения. Соответственно, различные заявления о подведении каких-либо окончательных итогов постмодернистских трансформаций как общественной, так и философской платформ едва ли могут быть обоснованны – тем не менее, в научной литературе таковые могут быть сформулированы в виде прогнозов эсхатологического характера. В подобном ключе можно интерпретировать концепцию «Конца истории и Последнего человека» Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2007], «Конца знакомого мира» И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2013], «Конца философии» и «Конца экономики» А.Г. Дугина [Дугин, 2009; Дугин, 2010].

В формате данной подборки наглядно демонстрируется преобладание дискурса «конечности» всего, что традиционно ассоциировалось с Модерном. Более того, изучаемые и рассматриваемые авторами через различные призмы пертурбации парадигмы едва ли имеют сколько-нибудь оптимистические коннотации (в качестве исключения можно выделить работы Ф. Фукуямы, но и тот впоследствии пересмотрел свои прежние позиции) [Fukuyama, 2002]. Последний тезис можно проследить и на другом примере, а именно, как референтные для нашего исследования авторы или научные школы осмысливают весь комплекс мировоззренческих или онтологических сдвигов, с которым сталкивается современная философия.

А именно, они склонны представлять эти моменты столкновений в виде «поворотов» (*turns*) (наиболее ярким является знаменитый «дискурсивный поворот» (*discursive turn*), открытый Мишелем Фуко в его знаменитой книге «Археология знаний») [Фуко, 2004]. Новые методологические горизонты гуманитарных исследований, обнаруженные дискурс-исследователями за этим «поворотом», ускорили демонтаж онтологических оснований Модерна, причём в некоторых слу-

чаях с типичной для постмодернистов «насмешкой» и «издёвкой» над предметом исследовательского внимания. В качестве самых ярких примеров таких методологий дезавуирования модернистских догм можно привести как «шизоанализ» Ж. Делёза и Ф. Гваттари [Делёз, Гваттари, 2007], так и постмодернистскую социологию Б. Латура, ключевые постулаты которой были сформулированы им в книге с «говорящим за себя» названием – «Нового времени не было» [Латур, 2006].

Ещё одним «поворотом» можно считать «мобильный поворот» (*mobility turn*), «вписываться» в который гуманитарным наукам пришлось, несмотря на то, что этот поворот во многом оказался «слепым», и предсказать дальнейшую траекторию движения крайне проблематично. Развивающие это направление философы и социологи – З. Бауман («Текущая современность») [Бауман, 2008], П. Бурдьё («Социология социального пространства») [Бурдьё, 2007], М. Кастельс («Информационная эпоха») [Кастельс, 2000], У. Бек («Общество риска») [Бек, 2000] своими работами подготовили почву для глубоко новаторской школы «мобильной социологии», сложившейся уже в первом десятилетии XXI в. Это во многом неординарное направление включает ряд, преимущественно английских, исследователей, чьи имена, может быть, не столь широко известны публике: Т. Крессуэл [Cresswell, 2011], Ф. Кауфман [Kaufmann, 2002], М. Шеллер [Sheller, Urry, 2006], однако по масштабам вклада в развитие этой школы, по степени влияния в научном мире социолога Дж. Урри стоит упомянуть отдельно.

Программными работами, в которых Урри сформулировал основные положения своей социальной онтологии, можно считать «Социологию за пределами общества», «Всеобщую сложность», а также фундаментальную монографию «Мобильности», переведённую на русский язык и изданную в 2012 г. группой «Праксис» [Urry, 2000; Urry, 2003; Урри, 2012]. Если суммировать вклад основных представителей школы «мобильной социологии» с точки зрения развития ими методологического арсенала исследований, уравновесив его идеями Дж. Урри, то, по большому счёту, он сведется к двум ключевым принципам. В качестве первого принципа можно назвать приверженность к «системному функционализму», что находит выражение в толковании мобильности как *системы*, с присущей ей особой функциональной нагрузкой.

Таким образом, в фокусе внимания исследователей «мобильной школы» оказываются так называемые «системы мо-

бильностей», под которыми подразумевается «комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определённый вид перемещения акторов возможным» [Урри, 2012, с. 24]. Стоит оговорить, что эти системы включают в себя не только движущихся людей и объекты, но «идеи, связи, неподвижные объекты инфраструктуры, всё, что их обслуживает и обеспечивает» [Урри, 2012, с. 24].

Преимущества данной методологии раскрываются в том, что в рамках системно-функционального подхода в фокусе нашего внимания оказываются не только условные *субъекты* мобильности – будь то мигранты, финансисты или рядовые пользователи сети Интернет, но и *объекты* – практики движения, финансовые транзакции, терабайты информации. Немаловажно здесь, что в системной связке *субъекта* и *объекта* мобильностей уделяется внимание и пространственному компоненту, вне зависимости от переплетения субъектов и объектов мобильных систем с факторами *присутствия* в конкретных местах, даже если акторов этих систем движения сложно идентифицировать более или менее определённо. Также немаловажен аспект, что речь здесь едва ли идёт о собственной значимости тех мест, где происходит то или иное перемещение в пространстве, равно как и не о важности, *кто* или *что* конкретно движется, но о ценности социальных отношений, конституируемых (*co-*) *присутствием* [Урри, 2012].

Таким образом, в методологическом арсенале изучения мобильности на базовом уровне наблюдается отход авторов от позитивистских представлений о природе социальности (в духе О. Конта и Э. Дюркгейма), где границы между субъектом и объектом были достаточно ригидными. С феноменом размытия границ между двумя «экстремумами» модернисткой топики, наблюдаемом в мобильных системах, связан второй методологический ход Урри, выводящий его на исследовательский пласт «феноменологии мобильности». Речь идёт о революционном понятии «субъект-объектной глобализации» (*subject-object globalization*), которым Урри оперировал на страницах книги «Мобильности» [Урри, 2012]. Тем самым, парадигма мобильности предлагает оригинальный взгляд на политический процесс глобализации, неожиданно вскрывая его на уровне «глобализирующихся феноменов», рассматривая комбинации разных агентов «мобильности» на различных уровнях глобальности/локальности. В качестве иллюстрации работы данного

метода Урри подвергает анализу такие «неуловимые», эфемерные явления, как *truck-driver* и *citizen-gun* [Урри, 2012].

Тем не менее, исследования в области «мобильности» не исчерпываются одной лишь социологической перспективой, в русле которой развиваются основные подходы к изучению различных мобильностей, как в академическом ключе школы «мобильной социологии», так и усилиями отдельных учёных-энтузиастов, уповающих на потенциал междисциплинарности. Потому один из возможных горизонтов толкований концепта «мобильности» может быть реализован с помощью *феноменологического* методологического арсенала. Развитие такого направления для исследований, как «феноменология мобильности» можно считать одним из приоритетных в рамках глобальной задачи экстраполяции концептуализации мобильности в различных смежных дисциплинах. Одна из попыток обнаружения предпосылок для проведения подобного исследования внутри самой школы «мобильной социологии» была предпринята автором в рамках предшествующей статьи «Феноменология мобильности: методологический аспект» [Моисеенко, 2016].

Следует выделить, как минимум, две реперные точки для развёртывания «мобильной» феноменологии, которые позволят объяснить происхождение многих тенденций, характерных для современного мира. Первую возможно определить в качестве *dromo-кратии* (т. е. «власти скорости»), и отсылает она к работам французского философа, культуролога и архитектора Поля Вирильо [Virilio, 2007], вторая представляет собой феномен *téxhḡ-кратии* (т. е. «власти техники») и, соответственно, оперирует с тезаурусом известного немецкого философа М. Хайдеггера, стоящего у истоков одной из феноменологических традиций [Heidegger, 1997].

Работа П. Вирильо «Скорость и политика» интересна в контексте нашего исследования, поскольку в ней была представлена неординарная концепция «мобильности», где в качестве стержня выступает понятие «скорости», и этот стержень, в свою очередь, имеет кратологическую, т. е. властную природу [Virilio, 2007]. Скорость или различные аспекты движения в самом широком смысле слова (*dromos*), а также технологическое обеспечение и развитие системы скоростей (как в смысле движения/перемещения физических тел в пространстве, так и в смысле движения данных в виртуальности) были заложены им в основание особой теории под названием «дромоло-

гия» [Virilio, 2007]. Как раз эта теория, а именно «дромологический» взгляд на становление цивилизаций Модерна, во всей её сложности и множественности несёт в себе огромный потенциал для развития мобильных исследований, в том числе обогащая методологический арсенал.

Проанализировав основные постулаты философии П. Вирильо, можно заключить, что катализатором большинства существенных трансформаций современности выступает триада *скорости-войны-технологий*, являющаяся, в свою очередь, фундаментом «дромологии». В качестве иллюстрации позиции П. Вирильо приводит ряд аргументов в пользу того, что пространственная мобильность масс во многом детерминирует политический процесс, оказывая влияние на принятие политических решений на различных уровнях. Таким образом, подход Вирильо вносит свою лепту в развитие одной из возможных трактовок происхождения мобильности на морфемном уровне, где в качестве «корня» мобильных процессов вычленяется словообразующая составляющая *mob* (т.е. «толпа»). Кроме того, в своём анализе корреляции так называемого «взрыва» пространственной мобильности масс и выхода на политическую авансцену новых сил – политических классов (в том числе, рекрутируемых из числа тех слоёв населения, кто в до-современную эпоху находился «в тени»), П. Вирильо обогащает *диалектическое* прочтение мобильности, подразумеваемое, но не получившее самостоятельного развития в рамках той же школы «мобильной социологии».

В частности, анализируя тезис о том, что «всякая революция происходит в городе» через призму дромологии, Вирильо приходит к выводу, что всякая «система мобильности» амбивалентна по своей внутренней природе. Так, на базовом уровне анализа те же «городские улицы» как имманентный элемент мобильной системы «города, охваченного пламенем революции», выступают, безусловно, в качестве проводников «воли толпы», канализируя её гнев в целенаправленный политический протест, предопределяя стратегию и тактику восстания (захват стратегических центров коммуникации, перекрытие улиц в тех или иных местах, воздвижение баррикад и т.п.). В то же время, «городские улицы» выступают эффективным механизмом подавления бунта со стороны власти, превращающий город в ловушку, своего рода «лабиринт Минотавра», исход блуждания по которому предопределён для всех сторон конфликта.

Взглянув на этот феномен с марксистских позиций, становится ясно, что «городское пространство» играет роль особого рода «машины подавления» угнетённых классов [Virilio, 2007]. Город планируется и организуется находящейся у власти буржуазией таким образом, что внутри его пространства физическое движение регламентируется и ограничивается, в том числе и за счёт того, что социальные структуры привязываются к конкретным точкам пространства. И дело здесь даже не в том, что буржуазия контролирует сферу производства в её пространственном измерении, подчиняя тем самым мобильность рабочего класса определённым ритмам и траекториям: жизнь рабочего конституируется вокруг предприятия, где он трудится, оставаясь привязанным значительную часть дня к единственной локации. Более существенным фактором является всё пронизывающая «милитаризация» городов Нового времени, начиная от представления городских пространств в качестве «резервуара» для возведения тех или иных фортификационных сооружений на ранней стадии становления Модерна, и заканчивая подчинением экономики «национальным интересам» в период, когда экстенсивный Модерн достигает пика своего развития (XIX в.), что подразумевает её перевод «на военные рельсы».

В логике этой позиции «дромология» предлагает расширить классовый состав общества, традиционно сводимый в марксизме к антагонистическому противостоянию класса буржуазии и пролетариата. Вирильо дополняет эту топику отдельным классом «военных инженеров», видеть которых на своей стороне желают как буржуа, так и пролетарии. Однако рассматриваемая «по модулю», инженерия а priori пребывает в зависимости от класса буржуазии, поскольку ресурсы финансирования как их практической деятельности, так и проектов, сосредоточены именно в её руках. Несмотря на это, Вирильо видит альтернативный этому status quo сценарий, когда альянс буржуазии и военных неожиданно распадается, а последние совершают неконформистский выбор и переходят на сторону восставшего пролетариата, оказывая ему военно-инфраструктурную поддержку. Здесь теория Вирильо сближается с теорией «гегемонии» А. Грамши, согласно которой «интеллектуалы» по своей сути свободны в совершении политического выбора: обслуживать ли им дальше интересы господствующего класса, или выступить против действующей «машины доминирования».

Кратологическая сущность «мобильности» раскрывает себя в феномене «дромократической революции», которая аккумулировала в себе достижения цивилизации Модерна в областях технологий и индустрий. К эксплицитным переменам эта революция привела в военном деле, инженерии и стратегии, где акценты смещаются с развития стационарных, фортификационных систем на развитие таких вооруженных сил, где главными качественными критериями являются способность к молниеносному реагированию на действия врага, а также подчинение пространства через молниеносные перемещения из одной его локации в другую. Отсюда можно сделать вывод, что дромологический процесс, столь подробно описываемый Вирильо, внёс свою лепту в развитие феномена «умной силы» (*smart power*), представляющей из себя некоторую комбинацию прямых (военных, экономических, политических) и косвенных (медийных, дипломатических, информационных) стратегий воздействия на политическую волю противника [Rusakova, Rusakov, 2017]. Получается, традиционные для военных «жёсткие» методы вменения своей воли (*hard power*) становятся не только более «умными» за счёт внедрения новых технологий, работающих на иных скоростях, но и за счёт комбинационной сборки с компонентами так называемой «мягкой силы» (*soft power*), которая по своей природе более мобильна, чем «жёсткая сила».

Что касается диалектики кратологической сущности «мобильности», она может быть раскрыта на философском уровне анализа, где вполне уместно воспользоваться её хайдеггеровским прочтением, осуществляемым через призму *téχnē*-кратии («власти техники»). Будучи рассмотренной в рамках данной методологии, дромократическая триада (а именно, *скорость-война-технологии*) приобретает ключевое значение в постановке вопроса о сугубо утилитарном отношении человека к миру, а именно его восприятию в качестве «резервуара» ресурсов, чего-то «готового-к-использованию» (*standing-reserved*) [Heidegger, 1977]. В качестве ресурсов потребления выступают те самые компоненты скорости и техники, которые аккумулируют феномен «технологического витализма», понимающего технику, способную функционировать на высоких скоростях, в качестве нового, особого источника жизни [Virilio, 2007].

Технологический витализм оказал принципиальное влияние на характер ведения современных войн – военные операции

постепенно переходят на всё более дистанционное управление, а человеческий фактор участия постепенно минимизируется. Параллельно этому видоизменяется и восприятие войны и насилия в публичной сфере. В ходе дромократической революции глобальным нарративом в информационном пространстве стало «ядерное сдерживание», где повестка «безопасности» и «нераспространения», подпитываемые страхом «взаимного уничтожения», заменяет собой прежнюю повестку регулярных войн за «национальные интересы». В результате в массовом сознании происходит неизбежная абберация, где такие оксюмороны по своей сути как «удобная война» или «комфортная война» становятся базовыми установками общества, что влечёт вовлечение человечества в состояние перманентной войны, «качество» и насыщенность которой повышается в технологическом прогрессе.

Однако диалектика кратологической сущности мобильности даёт о себе знать. Несмотря на то, что война, переведённая на рельсы высоких технологий, позиционирует в качестве отличительной черты «повышенную безопасность» участников процесса, она не преодолевает «смерть», но лишь вытесняет её из традиционных локаций. Факторы того, что современная война становится всё менее позиционной («окопной»), равно как и «линия фронта» становится всё более условной, уменьшают масштабы потерь регулярных военных частей. Тем не менее, будучи вытесненной из конкретных локаций (укреплений, окопов, «передовой»), смерть наносит неумолимую «контратаку» в других областях, перемещаясь на улицы «мирных» городов (террористические акты, атаки с беспилотных летательных аппаратов). Таким образом, чем более мобильными и совершенными становятся средства сдерживания смертоносных угроз, тем более «мобильной» становится сама смерть, она начинает угрожать индивиду уже не в определённых обстоятельствах (нахождение в окопе на «передовой»), а в каждую секунду его повседневного, рутинного бытия.

Такова псевдо-экзистенциальная природа феномена «технологического витализма», получившего распространение по всему миру и продвигаемого развитием капитализма и западно-центричного системного мировоззрения. Её апелляция к экзистенциальным аспектам, пусть и фиктивная по своей сути, не могла не внести собственную лепту в антропологический поворот, который претерпевает современное общество

наряду с другими трансформациями. С точки зрения открытия новых методологических горизонтов исследования «дромократическая революция» вводит новый критерий «дискриминации», на основании которого индивиды могут быть поделены на категории «счастливых homo mobilis» и «несчастливых homo immobilis», на основании наличия или же отсутствия у них доступа к высоким скоростям. В то время как первые из них осваивают технологии, открывающие доступ к скоростям, нарастающим по экспоненте, и активно включаются во множественные социальные системы мобильности, удел вторых – оставаться на периферии прогресса, будучи со всех сторон заблокированными различными «лимитами» [Virilio, 2007].

В том числе на основании данной дискриминационной схемы Вирильо строит своё рассуждение о «конце» феномена пролетариата, по крайней мере в классической интерпретации его концепта как эксплуатируемого класса. На смену «пролетарию» в дромократических социумах приходит «неизвестный солдат порядка скоростей» (*unknown soldier of the order of speed*) [Virilio, 2007, p. 120], угнетение которого осуществляется не через одну лишь эксплуатацию труда и отчуждение прибавочного продукта, но через его насильственное включение в «милитаризованную машину», которая видит в человеке всего лишь одно «метаболическое транспортное средство», выжимать «скорость» из которого до предела представляется единственной её задачей. Становление «порядка скоростей» (*The Order of Speed*) неизбежно ведёт человечество к тотальной войне, где мобильность является как ключевым ресурсом, провоцирующим столкновения, так и инструментом подавления воли Другого, Врага, обезличивая его до состояния «технологического тела» (*technological body*) [Virilio, 2007, p. 120].

Таким образом, в настоящем исследовании была предпринята попытка очертить дополнительные направления исследований «мобильности», которые не были эксплицитным образом оформлены в сложившиеся школы политической философии. Резюмируем, что «феноменология мобильности» представляет оригинальное направление исследования, более того, оно является аутентичным в своих основаниях, так как работы в рамках классической школы «мобильной социологии» содержат немало импликаций подлинно феноменологического взгляда на процессы, сгруппированные по таким общим признакам, как «мобильный поворот» (*mobility turn*).

Что же касается феноменологического прочтения мобильности через призму «дромологии» П. Вирильо, то оно представляет немалый интерес, так как всецело погружает исследователя в морфологию тех фундаментальных сдвигов современности, которые были спровоцированы ростом влияния фактора «скорости». Здесь разумен вывод, что сам «мобильный поворот» является феноменом с так называемой «зонтичной структурой», и среди множества сложнейших мировоззренческих, онтологических сдвигов, которые он провоцирует, имеет смысл выделить не одну, а несколько «спиц», феноменологическое раскрытие которых позволит объяснить происхождение многих тенденций, приводящих современный мир в «движение», ставя его на порог колоссальных перемен.

Итак, в качестве атрибутивных элементов «мобильного поворота», что в том числе открывают новые методологические горизонты для исследования, можно выделить *скорость*, *технику* и *конформность*. Первые два формируют ключевой фокус внимания дромологической теории П. Вирильо. Включение их фактора в «мобильные системы» как раз существенно расширяет диапазон современных «мобильных» исследований, открывая новые методологические горизонты концептуализации «мобильности» («уличные революции» против «машин подавления», борьба между буржуазией и пролетариатом за сторону военной инженерии, диалектика *hard power* и *soft power*, попытка «снятия» противоречий с помощью *smart power*; наконец, «технологический витализм» vs. «тотальная война»). Что касается феномена *конформности*, игнорировать этот аспект также недопустимо, поскольку включение разнообразных по своей сути сообществ в общий мобильный поток не представляется возможным без фактора адаптивности к среде, граничащего с унификацией ориентиров, предпочтений и иерархий субъектов политического процесса, сведения их ценностной ориентации под «общий знаменатель».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2008. Текучая современность. М.: Питер. 240 с.
Бек У. 2000. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.
Бурдьё П. 2007. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя. 288 с.

- Валлерстайн И. 2013. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос. 368 с.
- Вирильо П. 2004. Машина зрения. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. 144 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2007. Капитализм и шизофрения. Т. 1. Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория. 672 с.
- Дугин А.Г. 2009. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 744 с.
- Дугин А.Г. 2010. Конец экономики. СПб.: Амфора. 479 с.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высш. шк. экономики. 608 с.
- Латур Б. 2006. Нового Времени не было. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С. – Петербурге. 240 с.
- Моисеенко Я.Ю. 2016. Феноменология мобильности: методологический аспект // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 2 (23). С. 34–42.
- Русакова О.Ф. 2009. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. № 4 (24). С. 36–39.
- Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2017. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 3: Обществ. науки. Т. 12, вып. 1 (161). С. 53–67.
- Торреальба А.А. 2015. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Междунар. отношения. Вып. 3. С. 152–166.
- Урри Дж. 2012. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. М.: Праксис. 576 с.
- Фуко М. 2004. Археология знания. СПб.: Гуманит. акад. 416 с.
- Фукуяма Ф. 2007. Конец истории и Последний человек. М.: АСТ. 588 с.
- Фукуяма Ф. 2008. Великий разрыв. М.: АСТ. 480 с.
- Cresswell T. 2011. On the Move: Mobility in the Modern Western World. London: Routledge: Taylor & Francis Group. 342 p.
- Fukuyama F. 2002. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux. 256 p.
- Heidegger M. 1977. The Question Concerning Technologies / trans. by W. Lovitt. New York; London: Garland Publishing. 212 p. Pt. 1. (P. 3–36).
- Kaufmann V. 2002. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology. Aldershot: Ashgate. 110 p.

Sheller M., Urry J. 2006. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. Vol. 38, № 2. P. 207–226.

Urry J. 2000. Sociology beyond the society: Mobilities for the twenty first century. London; New York: Routledge. 255 p.

Urry J. 2003. Global Complexity. Cambridge: Polity Press. 184 p.

Virilio P. 2007. Speed and Politics / trans. by M. Polizzotti. New York: Semiotext (e). 169 p.

References

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity], Moscow, Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).

Beck U. Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 383 p. (in Russ.).

Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of the Social Space], Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, 288 p. (in Russ.).

Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2000, 608 p. (in Russ.).

Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World, London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2011, 342 p. (in Russ.).

Delez Zh., Gvattari F. Kapitalizm i shizofreniya. T. 1. Anti-Edip [Capitalism and Schizophrenia. Vol. 1. Anti-Oedipus], Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2007, 672 p. (in Russ.).

Dugin A.G. Konets ekonomiki [The End of Economics], St. Petersburg, Amfora, 2010, 479 p. (in Russ.).

Dugin A.G. Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli [Post-philosophy. Three Paradigms in the History of Thought], Moscow, Evraziyskoe dvizhenie, 2009, 744 p. (in Russ.).

Foucault M. Arkheologiya znaniya [Archeology of Knowledge], St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2004, 416 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Konets istorii i Posledniy chelovek [The End of History and the Last Man], Moscow, AST, 2007, 588 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Velikiy razryv [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order], Moscow, AST, 2008, 480 p. (in Russ.).

Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*, New York, Farrar, Straus and Giroux, 2002, 256 p.

Heidegger M. *The Question Concerning Technologies*, New York, London, Garland Publishing, 1977, 212 p. Pt. 1. (P. 3–36).

Kaufmann V. *Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology*, Aldershot, Ashgate, 2002, 110 p.

Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo [We Have Never Been Modern]*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2006, 240 p. (in Russ.).

Moiseenko Ya. Yu. *Fenomenologiya mobil'nosti: metodologicheskii aspekt [Phenomenology of Mobility: Methodological Aspect]*, Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi», 2016, no. 2 (23), pp. 34–42. (in Russ.).

Rusakova O.F. *Show-politika: osobennosti diskursa [Show-politics: discourse peculiarities]*, Sotsium i vlast', 2009, no. 4 (24), pp. 36–39. (in Russ.).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. *“Mjagkaja sila” diskursa politicheskikh mediaobrazov: analiz strategicheskikh jeffektov [“Soft power” Discourse of Political Media Image: Analysis of Strategic Effects]*, Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki, 2017, vol. 12, iss. 1 (161), pp. 53–67. (in Russ.).

Sheller M., Urry J. *The new mobilities paradigm*, Environment and Planning A, 2006, vol. 38, no. 2, pp. 207–226.

Torrealba A.A. *Tvitplomatiya: vliyanie sotsial'noy seti Twitter na diplomatiyu [Twiplomacy: Impact of Twitter Social Network on Diplomacy]*, Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015, iss. 3, pp. 152–166. (in Russ.).

Urry J. *Global Complexity*, Cambridge, Polity Press, 2003, 184 p.

Urry J. *Mobil'nosti [Mobilities]*, Moscow, Praksis, 2012, 576 p. (in Russ.).

Urry J. *Sociology beyond the society: Mobilities for the twenty first century*, London, New York, Routledge, 2000, 255 p.

Virilio P. *Mashina zreniya [The Vision Machine]*, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение, 2004, 144 p. (in Russ.).

Virilio P. *Speed and Politics*, New York, Semiotext (e), 2007, 169 p.

Wallerstein M. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI v. [The end of the world as we know it], Moscow, Logos, 2013, 368 p. (in Russ.).

Yan Y. Moiseenko,

Junior Researcher,

Institute of Philosophy and Law

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg,

E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4541-5854

Mobility Turn in Modern Political Philosophy: New Methodological Horizons

Abstract

The phenomenon of the “mobility turn” is considered in modern political philosophy as one of the consequences of the transformations that the Modern world has undergone since the beginning of modernity until the present time. Since the nature of these transformations is complex, each developed philosophical paradigm is ready to offer its own view on these “tectonic” shifts in social, political, anthropological, etc. spheres. Thus, the dominance of the discourse over the “bare facts” is not surprising, since it is the debates between supporters and opponents of various paradigms that largely constitute the subject field of modern humanitarian disciplines. Political philosophy is by no means an exception to the current trend, so it is necessary to respond to the challenges of its methodological and conceptual apparatus. In many respects in connection with this reason, the focus of attention of political theory was the fact of our everyday reality as the erection of the phenomenon of “mobility”, which was recorded in the philosophical thesaurus. This article attempts to outline one of the possible directions of the research beyond the framework of established sociological schools and approaches, e.g. system functionalism and post-structuralism. Such a promising direction seems to be the “phenomenology of mobility”, where the phenomenon of “mobility” itself is reviewed through the methodological lenses of Paul Virillo’ dromology and Mar-

tin Heidegger's study of τέχνη. There are three special immanent features inherent in the mobile paradigm: "speed", "technique" and "conformity". Based on these properties, the article outlines the most promising horizons for the further study of "mobility" under the auspices of political philosophy, among which are its "dialectical" and "anthropological" reading.

Keywords:

mobility turn, phenomenology of mobility, P. Virillo's dromology, speed, technological vitalism, conformism.